

ОКСАНА ТКАЧЕНКО

**ЛЮБОВЬ
С ПЕРВОГО ЛАЙКА**

Оксана Ткаченко

Любовь с первого лайка. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42388658

ISBN 9785449670298

Аннотация

Иногда воспоминания прошлого помогают понять настоящее. Девушке по имени Саклетта вручают небольшую коробку – наследство, оставшееся после смерти её бабушки. Молодая героиня не решается сразу открыть этот неожиданный подарок. Но в её жизни начинают происходить потрясающие события. В личный мир врывается загадочный мужчина, и через постижение тени любви, искреннего чувства с первого лайка, определённых знаков судьбы, внезапных препятствий, приходит обретение смысла бытия.

Любовь с первого лайка

Повесть

Оксана Ткаченко

© Оксана Ткаченко, 2019

ISBN 978-5-4496-7029-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ЛАЙКА

Человек не может двигаться вперёд, если душу его
разъедает боль воспоминаний.

Маргарет Митчелл

Я выглянула в окно в тот момент, когда мимо проезжал белый автомобиль. Последние два месяца мысль преследования уничтожала меня. Конечно, я понимала, что это безрассудное поедание души, и всё же была не в состоянии остановить наводнение из вежливых фраз, милых смайликов и странных исчезновений. Издевательство над собственным сердцем продолжалось долго. Но наступил август, который принёс ответ на мой вопрос. Вспомнив Олесю Щурову, внезапную подругу, часто повторявшую загадочное предложение: «Не задавай вопросов и ответов не жди», мне стало

смешно. И вопросы я задавала, и ответов я дождалась. А она твердила чепуху, правда, с философским подтекстом. Жаль, я не успела сообщить ей о своём успехе. Может быть, она знала, что так случится, потому и мучила. Не уверена.

Мне исполнилось одиннадцать лет, когда я впервые прочитала «Унесённые ветром». Да-да! Девочка и взрослая книга о любви и войне – вещи, которые не могут лежать на одной полке. Я думала, что никогда не забуду выражение дикого кошмара на лице библиотекариши, с которой я поделилась восторженными впечатлениями и которую завалила настойчивыми просьбами дать мне продолжение истории. Теперь почти забыла. Годы отнимают чёткость изображения, подобно слою пыли на экране телевизора. Заботливые люди волнуются за детей и не позволяют им получать знания из хороших книг. Зато покупают им мобильные устройства, тем самым приближая хрупкие сердечки к себе, к жестокой реальности, к беспомощности. Я счастлива, что осмелилась тогда взять единственное творение Маргарет Митчелл из книжного шкафа. Если бы не она, я до сих пор бы считала некоторых людей сильными, хотя в них нет ни капельки мужества. Иллюзия. Кругом иллюзии.

Белый автомобиль пропал. Замелькали чёрные, красные, серебристые машины, но я стояла в растерянности и пыталась выявить знаки. Ещё с юности приучила себя находить символы в тех предметах, что встречаются на пути. Наверное, это слабая попытка повлиять на судьбу, притянуть

что-то или отвергнуть. Как бы там ни было, а я вздрогнула от дверного звонка. Секунды остановились, осторожно рассматривая меня.

– Здравствуйте! – сказала я. В полумраке тамбура гостья доставала из сумки какие-то бумаги.

– Добрый день! Вы Саклетта Мосолова? – спросила она.

– Да, – ответила я и замерла в предчувствии недобрых вестей.

– Меня зовут Наталья Шумилова. Я из Дома престарелых.

«Слишком молода, чтобы там быть!» – захотелось мне воскликнуть, и тут до меня дошло, зачем она явилась.

– Ваша бабушка... – начала Наталья.

– Зайдите. Я не хочу, чтобы соседи были в курсе моих событий, – прошептала я.

– Я должна сообщить вам неприятную новость. Мне кажется, что вы догадались, что я собираюсь сказать, – медленно произнесла Шумилова, захлопнув за собою дверь.

У меня отсутствовало желание что-либо говорить. Единственное, что закипело в моём сердце – страх. Я не знала, что мне предстоит делать. Понятия не имела, как решать такие вопросы. Моё лицо свидетельствовало о глубочайшей боли и сосредоточенности, пожалуй, искренней напряжённости. Боль не была связана с грустью потери. В этом вопросе накопилось много разнообразного мусора, словно в уличной урне.

– Ваша бабушка Саклетта Ивановна Барабанова умерла.

Три дня назад состоялись похороны, – выдохнула Наталья Шумилова. Она немного успокоилась, когда наконец-то избавилась от слов, что томили её последние дни.

Я ничего не почувствовала. С бабушкой мы не общались. Ни я, ни моя мать. Меня и бабушку связывало только одно – имя. Меня называли в честь неё Саклеттой. В детстве я ненавидела её за то, что получила такое же имя. Злость бурлила в крови. Старость раздражала. Всё изменилось в институте. Я вдруг поняла, что моё имя даёт мне массу привилегий. Я становлюсь исключительной личностью. Две Оли, три Марины, четыре Лены чуть ли не в каждой группе любого факультета, а Саклетта – одна в учебном заведении. Есть чем гордиться. Я не гордилась. Я боялась этой гордости. Боялась стыда собственных воспоминаний. Боялась поведения. Боялась себя. Отрицательные качества всегда перевешивали. У меня даже на эту тему случился разговор с психологом. О, нет! Я не больна! Просто искала книжку в магазине и столкнулась с довольно милым мужчиной. А он и завёл речь о заниженной самооценке среди некоторых молодых людей. Сделала открытия в тонкой области души и улизнула от его назидательного тона, правда, прихватив визитку песочного цвета.

– Подождите, вы сказали, что её уже похоронили? – я задала вопрос после продолжительного молчания.

– Да. Саклетта Ивановна просила не тревожить родственников, – сказала работница Дома престарелых и протянула

мне лист.

– Но как же так? – мне стало холодно, и причина тому скрывалась отнюдь не в осенней погоде, а в том, что я впервые ощутила обиду за бабушку. – Что это?

Я взяла лист.

– Свидетельство о смерти. Теперь будет храниться у вас. Вы же её внучка, единственная наследница, – проговорила Наталья. – У Саклетты Ивановны есть только одна дочь, ваша мать. И вы. Правильно?

– Ну да. Моя мама... Она живёт не здесь. И... – я стеснялась признаться в том, что мать вышла замуж за богатого иностранца, фактически моего ровесника и уже четыре года обитала в роскошном пентхаусе где-то на Сардинии.

– Я понимаю. Однако я пришла к вам не только сообщить печальную новость и отдать документ.

Тишина нервировала. Я ждала, пока Шумилова достанет из пакета коробку, похожую на кирпич. Пропела смс-ка.

– Вот. Это вам. Саклетта Ивановна просила передать, – чересчур торжественно произнесла работница Дома престарелых.

Я протянула руки, чтобы принять забавное наследство. Чувство юмора вернулось ко мне. Показалось смешным всё. Мэрилин Монро в солнцезащитных очках и её магическая улыбка, изображённая на моей футболке, фиолетовый плащ Шумиловой – она в нём превращалась в школьницу, даже рингтон мобильного выпячивал нижнюю губу, когда из-

вещал о приходе сообщения индийским тембром «Dhoom machale».

– Послушайте! Вы точно не ошиблись с наследством? – спросила я и хихикнула.

– Саклетта, вы просто расстроены. Я сочувствую. Ваша бабушка сказала, что вы потом поймёте. Мне пора. Крепитесь.

– Спасибо. До свидания!

Дверь закрылась. Я разрыдалась.

Я плакала не из-за бабушки, хотя где-то на краю сердца отчётливо видела, что именно она – первая причина моих слёз. Я плакала из-за того, что мне не с кем поделиться новой ролью – ролью неожиданного траура. Мне некому рассказать, почему уныние вдруг захватило тело в свой плен. Конечно, я могла бы позвонить матери... Конечно, я не могла позвонить матери! Четыре года она не давала о себе знать. Не в том плане, что растворилась в итальянском пространстве. Нет. Иногда она писала дерзкие письма о шикарном жилье и прекрасном муже. Я удаляла их, не дочитав до конца. Хвастовство бесило. Вера Вирони вычеркнула прежний русский мир из своей судьбы. Она не интересовалась моей жизнью.

«Олеся, почему ты оставила меня одну? Почему?» – думала я, воскресая в памяти образ лучшей подруги. На Олеську Щурову я бы вылила ведро своего горя, и она, вне всяких сомнений, освободила бы меня от утомительного настрое-

ния. Но Олеси больше нет. И бабушки тоже нет. Одиночество окутывает человека с любовью, когда обнаруживает его беспомощность. Правда.

Жёлто-красная листва блестела за окном. Её сияние вызывало мерзкий контраст с тем, что ворчалось в моей душе. Короткие отрывки фраз проплывали в сознании, будили вулкан детских ощущений. Я решила, что не смогу сегодня открыть бабушкину коробку. Этот странный прощальный подарок я берегла. Для чего? Пока не определила. Мне было страшно открыть и прикоснуться к ушедшему навсегда раю. Страшно поверить в случившееся. И я откровенно медлила с расставанием, которое обязательно должно наступить при одном только взгляде на прошлое.

«Прогулка прочищает мозги. Прописываю рецепт», – припомнила совет Олеси. Да, Щурова – настоящий клад умных мыслей. Клад, который не сумели спасти.

Я вышла на улицу. Сентябрьский закат проникал в кровь оранжевыми линиями. Отпечатки облаков бороздили небо. Аромат далёких костров шептал незнакомые слова. Старые двухэтажные здания, построенные ещё при жизни Сталина, добавляли в общую картину осени шарм увядания. Тоска лилась из трещин отсыревших стен. И деревья своими золотистыми и рубиновыми листьями не имели возможности скрыть уродливость отжившего века.

...Горячий воск застывал в воде. Его форма менялась.

Бабушка читала молитву. Выливали испуг. Я сидела неподвижно на стуле. Над моей головой тряслась железная миска. Морщинистые руки дрожали.

В шесть лет стать жертвой большой собаки – безумное испытание. Я испытала. Проверка маленького сердца и неокрепших нервов довела до бешеного страха. Мать в срочном порядке собрала вещи и отвезла меня к бабушке. Саклетта Ивановна умела лечить.

Голубая краска облупилась, демонстрируя деревянные изгибы небольшого дома. У железной калитки сидела белая кошка с чёрным пятнышком на правой лапке. Я вздрогнула.

– Саклетта, это же кошка! Не собака. Чего ты боишься? Она не укусит, – сказала мама. Я не поверила ей.

Нас встретила она – бабушка, которую я увидела впервые в своей шестилетней жизни. Мама после моего рождения перерезала все нитки, соединявшие с семьёй. Я не знала подробностей их отношений. Понимала то, что могла понять, а именно: бабушке не понравился мамин муж, мой папа. Между прочим, с отцом я не успела пообщаться. Он улетел в неизвестном направлении. Так часто повторяла мама после его исчезновения. Поскольку в моей голове его лицо не сохранилось, а фотографии, на которых папа был изображён, не вызывали нежности, я вскоре перестала о нём думать. Отцов на всех малышей не хватает. Кто-то вынужден сам быть себе родителем.

– Здравствуй, – буркнула мама и подтолкнула меня впе-

рѣд. – На Саклетку напала собака. Испугала. Может, по-
лечишь?

– Проходите, – тихо произнесла бабушка.

После жаркого дня, проведѣнного в автобусе, мы попали в прохладный уголок. Я ожидала увидеть много красивых и больших комнат, как во дворце. Считала, что внешний вид специально скрывает внутреннюю красоту. Реальность убила меня, будто та собака снова встала на задние лапы и положила свои передние на мои плечи. Крошечный дом. Смешная хатка. И внутри никакой романтики.

– Ну что, тѣзка моя, будем выливать воск? – бабушка взяла меня за руку и повела в кухню. Мама осталась в комнате. Она устала.

Прежде чем приступить к лечению, Саклетта Ивановна поцеловала меня в щѣчку и произнесла:

– Моя золотая.

Мне было неудобно, потому что я не могла ответить на её чувства. Мы мало знакомы, чтобы любить друг друга и говорить ласковые слова. Бабушка не настаивала. Она хотела выразить радость встречи и выражала её. Я же не особенно радовалась. Я боялась. Собственно и причина приезда кроилась в жутком страхе, которому я обязана той злой собаке.

– Вера, иди сюда. Смотри, что вылилось, – громко проговорила Саклетта Ивановна.

Моя мать тут же вошла в кухню. Наверное, она караулила меня, а не отдыхала в спальне.

– И что там? Правда, испуг?

– Погляди. На собаку вроде похоже, а ещё маленький ребёнок здесь вылепился.

Я встала со стула и тоже посмотрела. Фигурки были забавными, учитывая их точную копию в действительности.

– Испуг сильный. Надо раза три вылить. Тогда поможет, – проговорила бабушка и разломала воск.

– Я не могу оставаться так долго. Работа, – хмурый взгляд матери заставил меня насторожиться.

– Так возвращайся на работу. А Саклетта со мной побудет несколько дней. Потом приедешь и заберёшь.

– А тебе нетрудно? Кормить же её надо.

– Я умею обращаться с детьми. Тебя же вырастила.

– Ладно. Саклетта, я приеду за тобой в субботу. Веди себя хорошо. Не надоедай бабушке.

Мама впервые употребила слово «бабушка» при бабушке. Прогресс. Я улыбнулась...

Ворона поскользнулась на фонаре, вспугнула свою чёрную подругу, сидевшую ниже, от чего та недовольно взъерошилась и прокричала на своём птичьём языке гневную фразу. Дождь нервировал не только птиц. Я медленно ходила перед окнами дома, словно опоздавший на поезд пассажир, которому теперь предстояло торчать в неудобной вокзальной обстановке несколько лишних часов. Город погружался в туман.

Я и не подозревала, что это может случиться. Слишком живой, слишком вечной мне казалась моя бабушка. Впрочем, я не привыкла произносить такое притяжательное местоимение к маминой маме. Мы находились на своеобразных планетах, и практически не имели возможности встретиться в реальности. Но теперь всё изменилось. Она умерла с мыслью обо мне. Она оставила подарок, который мне не нужен. Конечно, я не знала, что там спрятано, что ценного хранит её коробка. Просто я смирилась с судьбой, и полагала, что если у меня чего-то нет, то, значит, оно мне и не требуется. Короче. Я откровенно запуталась в собственных принципах.

Ночь пришла быстро. И я вынуждена была остаться с нею наедине. Улица завораживала ароматом горьких листьев, сияющих благодаря небесным каплям. Моей итак замёрзшей душе стало ещё холоднее. Пора возвращаться домой.

Завтра. Именно на завтра я назначила себе открытие бабушкиного наследства.

Чрезмерная взволнованность, которая не отпускала моё тело с того момента, как я узнала об уходе бабушки, заставила меня забыть мобильный телефон на столике возле магазинчика быстрого питания, мимо которого я трижды проходила, чтобы подавить тревогу. О том, что я ненадолго задержалась в данном месте, облокотившись на столик и по рассеянности положив на него телефон, погружившись в мрачные размышления о смысле жизни, я вспомнила уже дома. «Его

точно забрали», – подумала я. Красивый одинокий мобильник с сенсорным экраном и жёлтым корпусом не мог остаться незамеченным. И всё же в одиннадцать часов вечера я отправилась проверить свою интуицию.

Я впервые шла по ночному городу одна. Обычно после восьми вечера я никуда никогда не выходила. А тут вдруг рискнула.

Фонари горели и прекрасно освещали дорогу. Возле того самого столика, где я оставила телефон, кто-то курил. Я остановилась. Сжала кулаки в карманах чёрного плаща. Ни ветра, ни дождя. Ничего, что могло бы нарушить эту ночную тишину, которую я особенно ненавидела. Может быть, он меня не заметил? И я в состоянии повернуть назад и побежать?

– Вот ты и попалась! – услышала я. Мне ещё никогда не было так жарко в столь сырую осеннюю погоду.

– Что стоишь? Думаешь, я не узнал тебя? – визжал он.

Я пыталась угадать голос. Напрасно. Я не была знакома с этим человеком.

– Иди сюда. Я знаю, что ты именно ко мне пришла, – продолжал мужчина.

«Уж не перепутал ли он меня со своей постоянной проституткой?» – мелькнула мысль. И, несмотря на жуткий страх, я подошла к столику.

– Добрый вечер! – произнесла с улыбкой. Хотя и понимала, что он её не увидит в темноте.

– Что?

– Два часа назад я забыла на этом столике свой телефон и вернулась, чтобы его забрать, – объявила я и попыталась рассмотреть, лежит ли моё средство связи на месте. Но огромная фигура незнакомца не позволяла ничего разглядеть.

Он бросил недокуренную сигарету на асфальт и наступил на неё правой ногой. Я почувствовала, что перестала его бояться. Он был один. Я тоже одна.

– Правильно. Я не переношу запах дыма, – осмелилась одобрить его поступок.

– Что вам нужно? – спросил мужчина и посмотрел мне прямо в глаза.

Яркий свет только что зажжённого фонаря над магазинчиком замерцал на его лице. Большие карие глаза прятались под элегантными прозрачными очками. В чёрные, как турецкий кофе, волосы, разделённые на почти неуловимый пробор, хотелось запустить пальцы. На мгновение я забыла, что здесь делаю. К счастью или нет, на мгновение...

– Телефон. Я забы... – не успела договорить.

– Это он? – незнакомец резко повернулся к столику и спустя секунду протягивал мне жёлтый мобильник.

– Да.

– Забирайте.

– Спасибо! – я взяла телефон. «Надо срочно уходить», – какой-то причудливый страх тормозил моё сознание. И всё-

таким я не могла уйти и не спросить.

– Почему вы несколько минут назад так уверенно обращались ко мне на «ты»?

– Уходите, – прозвучал ответ.

– Вы кого-то ждали?

– Исчезните!

– Но почему? Почему вы не хотите мне ответить? Вы же сами меня звали, – настойчиво бормотала я и медленно отходила назад.

– Если вы сейчас же не покинете эту территорию, будет плохо, – яростно проговорил мужчина.

Я понимала, что лучше мне и, правда, исчезнуть с его поля зрения. Похоже, что невменяемый тип, а может, чересчур вменяемый, способен на многое. Однако я испытывала невероятное внутреннее спокойствие, когда находилась рядом с ним. Я честно не желала уходить.

– Будет плохо? Кому? Вам или мне? – любопытно спросила я.

– Такой нахалки я ещё не встречал, – он подошёл ко мне близко и обнял.

В ту же минуту где-то поблизости сработала автомобильная сигнализация. Незнакомец слегка оттолкнул меня. Вытащил ключи из кармана.

– Спокойной ночи, – прошептал он.

Я проследила, как он сел в машину белого цвета, и медленно двинулась в сторону своего дома.

В два часа следующего дня я получила письмо от своей матери. Настоящее, бумажное письмо. И это меня безумно удивило. Мать не любила писать. Иногда, правда, присылала какие-то забавные электронные сообщения, в которых постоянно итальянские слова смешивались с русскими. Я не понимала её, поэтому говорить о нашей дружбе не приходилось. На конверте я обнаружила дату прибытия письма в место вручения. Это был день смерти бабушки Саклетты. Как обычно, в почтовых отделениях «оперативно» обрабатывают посылки. Тем не менее, в знаки я старалась верить.

Я чуть ли не бежала в парк, чтобы в окружении теряющих свои листья деревьев открыть письмо. Только деревья могли меня поддержать. Сердце сражалось с самим собой. Я чувствовала себя отдельно от его ударов. Прежде я никогда так не реагировала на печатный текст. Но ведь прежде я и не получала его. К тому же от мамы, да ещё и в такое время.

Здравствуй, моя дочь!

Прости меня. Я знаю свои ошибки. Не надо мне указывать на них. У каждого должна быть собственная история судьбы. Поэтому говорить, что поступила неправильно, теперь просто глупо. Я не умоляю о сочувствии. Я лишь заявляю. Нет. Не заявляю, а сообщаю, что Федерико избил меня. Я не хотела сразу в начале письма огорчить тебя, моя Саклетта. Но не смогла. Наверное, пришло время излить

душу, избавиться от тех шрамов, что внутри. Синяки же на теле скоро пройдут. Обидно выглядит уродливо. Обидно вдвойне, потому что я искала счастья. Однако спустя четыре года вдруг осознала, что нельзя его найти. Оно либо есть в человеке, либо нет. Создать счастье нужно самому, а не откапывать его в чужой душе. Знаешь, милая, я приняла твои мысли. Помнишь, когда я уезжала, ты сказала, что я боюсь старости, и по этой причине выхожу замуж за молоденького? Да. Это верно. Ты права. Боже, как мне противно писать эти слова. Права. Молодое тело не может остановить старость другого тела. Смешные мечты трусливой личности. Иллюзии... Их много во мне. А изменить себя так сложно. Но я пытаюсь. Даже стала ежедневно повторять позитивные аффирмации, чтобы поменять жизнь к лучшему. Хотя это длительный процесс. Я хочу домой.

И ещё я поняла свою мать, твою бабушку Саклетту. Она видела, за какого мерзавца я выходила замуж, старалась всячески меня остановить. Я не слушала её. Не слышала. Я ждала тебя, и естественно не желала, чтобы ты появилась на свет незаконнорожденной. Фактически я тебя спасла. Но ты не будешь мне за это благодарна. Я знаю. Мне и не столь важно услышать твоё «спасибо». Мне вообще не нужны ничьи слова участия, одобрения поступков. Некоторые люди грезят жить в большом доме. Они просто не понимают, что в большом доме большие проблемы. В маленькой комнате свободе легче разместиться. Ей не надо выби-

рать лучшие апартаменты.

Моя дорогая дочка, я уверена, что тебя поразит моё странное письмо – монолог отчаявшейся и в то же время непобедимой души. Я и сама удивляюсь, как решилась написать тебе такое. Но у меня к тебе есть просьба. Вот я и подошла к цели своего письма.

Заклинаю тебя! Сходи к бабушке. Навести её в Доме престарелых. Купи ей солёное печенье и крошечные ягодные карамельки. Она всегда их любила. И передай «Привет» от меня. Скажи, что я скоро приеду.

С любовью, мама Вера Вирони.

Я застыла на скамье. Рядом валялся конверт. Письмо лежало на моих коленях. Я снова перечитала последнюю фразу. Да, мама действительно зачеркнула фамилию Вирони. Ещё одна любовь в мире разбилась. Порою мне чудилось, что мать там счастлива. Она обманывала меня и успокаивала себя. И я точно не представляла, как она вела себя со своим итальянцем. Слово «избил» меня очень сильно обожгло. Но бабушка... Я задрожала от невозможности вернуться на неделю назад, чтобы её увидеть, чтобы принести ей те гостинцы, о которых упомянула мама. Бумажный лист с некрасивым почерком русской итальянки Веры упал на землю. Осенний ветер небрежно схватил его за руку и потянул за собой. У меня не было сил подняться и догонять его.

– Зачем разбрасываетесь личной информацией? – услы-

шала вопрос. Я не хотела, чтобы кто-либо видел мои слёзы, и потому отвернулась с откровенным безразличием, словно ко мне не имело отношения письмо, гонимое ветром.

– Только не надо притворяться. Возьмите, – решительно произнёс мужчина, сел рядом и положил мамину весточку мне на колени.

Я сидела неподвижно и лишь слегка повернула голову в его сторону. И ахнула. Это был тот самый ночной незнакомец, который сначала нагрубил, а потом отдал мне телефон.

– Вы? – я не сдержалась.

– В чём дело? – он подмигнул.

– Значит, преследуете.

– Нет.

– Что вы здесь делаете?

– Сижу.

– Я вижу. В смысле, почему вы оказались в этом месте и в это время?

– Я всегда оказываюсь в нужное время и в нужном месте.

– Перестаньте болтать штампы.

– Даже в штампах вы не любите правду?

Я спрятала письмо в сумку. Достала зеркальце, но не успела посмотреть в него.

– С макияжем всё в порядке, – сказал мужчина.

– Не ваше дело, – ответила я.

– Конечно, не моё. Удачи! – прошептал он с тем же оттенком в голосе, что и накануне.

Его короткая рыжая куртка зашуршала, когда он медленно пошёл прочь. Ещё никогда мне не было так грустно. Я вспомнила содержание письма и всхлипнула. Спустя минуту незнакомец вернулся.

– Что случилось?

– Я же сказала, что это не ваше дело, – повторила я сквозь слёзы.

– Плевать я хотел на то, что вы сказали. Пойдём отсюда. Здесь холодно, – проговорил он.

Я превратилась в послушную девочку, которая во всём подчиняется своему отцу. Однако я не знала, что такое быть папиной дочкой, поэтому могла лишь предполагать, какая духовная связь существует между родителем и ребёнком. Незнакомец мне годился в отцы. Впрочем, нет. Он не подходил по возрасту моему настоящему папе. Но уверенность в том, что мы – представители разных поколений, поселилась в моём сердце ещё прошлой ночью.

Мы вышли из парка. Я заметила белый автомобиль, и готова была бежать обратно по усыпанным листьями дорожкам. Мужчина, будто прочитал мои мысли и взял за руку. «Господи, что происходит? Почему я попала в такую историю?» – думала я, и чтобы успокоиться начала молиться. Мы прошли мимо машины.

– Куда мы идём? – спросила я.

– Ответить на письмо, – сказал он.

– Мне не надо отвечать на него.

– Неужели?

– Ну, может, и надо. Но не сейчас. И вообще уже поздно, – я прикусила губу.

– Поздно было вчера. Когда жёлтый телефон непонятным образом попал на столик уличной закусочной, – сказал незнакомец.

– Очень даже понятным образом. Я сама его забыла там. Случайно.

– А разве порядочные девушки забывают свои телефоны случайно на улице?

Он вывел меня из себя. Я оттолкнула его.

– Да кто вы такой, чтобы указывать мне, когда ходить и где что забывать?

– Меня зовут Вячеслав. Фамилию не могу сказать.

– Ага. Если скрываете фамилию, значит, имеется какая-то тень за плечами. А что же с отчеством?

– Оно вам не нужно.

Я не успела ему ничего ответить. Над нами неожиданно возник вертолёт. И что-то тяжёлое в форме шара полетело на меня. Заворожённая происходящим, я не в состоянии была отскочить в сторону. Сильный удар в плечо прибил меня к земле.

Белый потолок, разделённый на квадратики с изящным орнаментом, казался невероятно высоким. Либо я уменьшилась в размерах, либо я попала в чудесный замок. Третье-

го не дано. Долго смотреть вверх мне надоело, но поскольку я находилась в горизонтальном положении, выбора, куда ещё бросить взгляд, не имелось. Нестерпимо болел лоб. Давило на глаза, и я была не в состоянии вертеть головой. Хотя дико устала лежать. К двери кто-то приблизился. Однако моё сердце, у которого давным-давно выработалась привычка трястись, словно в электричке, останавливающейся из-за срыва стоп-крана, в этот раз даже не вздрогнуло. Впервые в жизни я вдруг почувствовала, что не хочу бороться, не хочу ничего из себя воображать.

– Доброе утро! – сказал Вячеслав. Он сел на стул, рядом с кроватью. К счастью, он ненадолго загляделся в окно, находившееся напротив него, и я успела обнаружить, что его лицо за эту ночь покрылось щетиной.

Я не желала говорить. Но я должна была выяснить, что случилось.

– Где я?

– В моём доме.

– Ещё добавьте, что я в вашей спальне. Поверю, – разозлилась я. Мне стало неловко. А злость всегда проявляется, когда чего-то боишься.

– Нет. Не в моей. Это комната для гостей, – он наконец-то повернулся ко мне, будто за окном исчезло то, на что он с такой нежностью пару минут назад смотрел.

– Вы ничего не хотите мне сказать?

– Нет.

– Зачем тогда вы пришли сюда?

– Узнать, проснулись ли вы.

– Узнали. Дальше?

– Как плечо?

– Что? – спросила я, и минувший день воскрес во мне очень ярко. Письмо-исповедь, избитая молодым итальянцем мать, умершая бабушка, которую никто не навестил, ночной незнакомец, уводящий в неизвестном направлении, удар сверху... Война ли? Я пошевелила обеими руками, пытаюсь вспомнить, где должно быть больно. Боль в левом плече разгорелась. Я сильно зажмурила глаза и прикусила губу. Хотелось закричать, завывать.

– Понятно, – произнёс мужчина и положил свою руку на моё ноющее плечо. – Спокойно. Травма не опасна. Через неделю всё пройдёт.

– Что вам от меня нужно? Только вы – причина номер один в том, что я сейчас так паршиво себя чувствую! – воскликнула я. – Если бы вы вчера не подошли ко мне, ничего бы этого не было. Я бы занималась своими делами. А теперь? Уходите. Ненавижу.

– Как вас зовут? – поинтересовался Вячеслав. Его умиротворённый вид меня бесил. Он, словно не слышал моё отчаяние.

– Знаете, я впервые в жизни столкнулась с таким равнодушным человеком.

– А я с дикаркой.

Я промолчала.

– И вообще это я могу заявить, что вы – причина моих страданий. Вы ведь первой ко мне подошли. Той ночью.

– Я хочу домой, – проговорила я.

– Вечером я отвезу вас домой.

– Я сама в состоянии дойти.

– Нет. Мне лучше знать.

– Ну и наглость, – прошептала я.

Он наклонился к моему уху и тихо сказал:

– Второе счастье.

Я отвернулась. Услышала, как он подошёл к двери. «Сейчас он уйдёт, а я снова останусь наедине со своими ужасными мыслями. И хочу, и не хочу», – промелькнуло в голове, и громко произнесла вслух одно слово:

– Саклетта.

Вячеслав остановился. Улыбка впервые за эти два дня появилась на его лице.

– Я знаю.

Как только он вышел из комнаты, я осторожно встала с кровати. Собственные ощущения мне не нравились, но я знала, что просто обязана покинуть общество этого человека. Однако мои планы были мгновенно нарушены. Голова сильно закружилась, и я, держась за стенку, сползла на пол.

Точно не знаю, сколько времени провела без сознания, только очнувшись, я снова обнаружила себя в постели. «За-

ботливый», – подумала я. Хотя и не желала получать его заботу. Я не привыкла, чтобы меня жалели, успокаивали. Да, не привыкла. Я не любила само слово «привычка». Я обожала мечтать, и в мечтах иногда представляла, что все беспокоятся обо мне, ждут моих приказов, выполняют любые капризы. Фантазия уносит человека очень далеко, так что порою даже трудно вернуться обратно, в мир тоски. Со мной это случалось часто. Я лежала и одновременно летала. И всё-таки я умела возвращаться в действительность.

– Я ухожу, и вы не остановите меня, – заявила я.

Вячеслав сидел на голубом диване и задумчиво вертел в руках два магнитных шарика. Он не взглянул на меня. Я решила, что он не услышал, но повторять не стала, а молча, направилась к выходу.

– Если что-то будет нужно, звоните, – произнёс мужчина, когда я уже закрывала за собой дверь.

«Вряд ли», – усмехнулась я и медленно стала спускаться по лестнице.

Вечер с неповторимыми запахами осенней листвы прижал меня к своей груди. Околдованная сентябрьским закатом я пыталась сделать шаги и не могла. Станные чувства обнимали моё сердце так крепко, так нежно. И даже боль в плече исчезла.

На моём почтовом ящике был приклеен забавный смайлик. Я протянула руку и погладила наклейку. Кто сделал столь приятный сюрприз? Лишь на секунду мне почудилось,

что это совершил мой новый знакомый, из-за которого я теперь словно подбитая птица. Нет. Он не знал адреса. И он уже взрослый, чтобы играть в подобные игры. Тем не менее, я испытывала уверенность, что кто-то намеренно решил меня повеселить. Никакой случайности.

Я вздрогнула. На такое была способна только моя лучшая подруга! Олеся Щурова. Да. Она обожала творить судьбу по собственному сценарию. Но... Как же... Её нет. Славное ощущение счастья жизни вдруг испарилось. Я увидела другую осень.

Возле двери лежал человек.

– Ой, – вырвалось у меня. Всего одну ночь и полдня отсутствовала, а, кажется, что пропал целый год, если судить по неизвестному типу, устроившему себе жильё на моём коврикe. Было темно. Лампа в подъезде то и дело мигала. Храп разносился по всему дому. Однако как назло никто не выходил из своих клеток, и никто не приходил в родной очаг. Моё одиночество шевелилось под кожей. Я не могла попасть в собственную квартиру. Обида не затапливала душу. Я просто очень устала. Ноги не держали. Мне нужно срочно лечь в постель. «Что же делать? Разбудить, а вдруг у него нож, и всё. Я даже не узнаю, что бабушка оставила мне в наследство», – расплакалась я. Жалость не любила. Но ситуация, в которой я находилась, да и последние мучительные часы, вынудили меня сострадать самой себе. От отчаяния я полезла в сумку и вытащила телефон. Позвонить в полицию?

Я вспомнила про Олесю, не дождавшуюся помощи, и передумала набирать две цифры. Листая список абонентов, я наткнулась на незнакомый номер, подписанный буквой В.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.